

стоитъ?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю. — Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну, что жъ ты? (Мальчишка *хочетъ говорить*). Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети на конюшню!.. (Мальчишка *вздвигается въ ноги*). Вздоръ! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости Боже мое согрѣшеніе... (Мальчишка *идетъ*). Убирайся... (Тошнуетъ ногой). Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ мойми вензелемъ!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить, хоть какъ-нибудь...

Дарья. — Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

Марѳа Ивановна. — Экая беда какая! (Входятъ Николай Михайлычъ и Василій Михайлычъ Василии. Дарья уходитъ съ книгой).

Явленіе II.

Николай Мих. — Здоровы ли вы, матушка, нынче? и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго на засыпали.

Марѳа Ивановна. — Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось — я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ-то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него — вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтихъ!.. а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

Николай Мих. — Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ своимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

Марѳа Ивановна (къ Василію Михайловичу). — Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говорить сенатъ?..

Василій Мих. — Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ, да въ губернскомъ правленіи... такіе жадные каналы эти крючки-подбѣты со всей сволочью, что когда туда прїѣдешь, такъ и обступятъ — чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... и вотъ ужъ пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

Марѳа Ивановна (къ Николаю Михайловичу). — Знаете ли, Николай Михайловичъ, я хочу, чтобъ Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ — я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?.. Все колбасники, шмерцы!..

Николай Мих. — Позвольте перервать рѣчь вашу, матушка; нѣмцы хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т. е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличныя, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но зато глубокомыслен-

нѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы, и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою — ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч...

Василій Мих. — Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марѳа Ивановна. — Сохрани Богъ!.. нѣтъ, ни за что.

Василій Мих. — Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марѳа Ивановна. — Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами, они дураки...

Николай Мих. — Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь! — Неужто Кантъ былъ дуракъ?

Марѳа Ивановна. — Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чубъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!..

Николай Мих. (съ неудовольствіемъ). — Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю что говорю. Философія не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ истинный счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. (Василій Михайловичъ въ тайномъ удовольствіи). И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

Марѳа Ивановна. — Стало быть я его совсѣмъ не имѣю... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣрю васъ...

Николай Мих. — Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, сжался надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидаю благодарности, а не всякихъ непріятностей, когда прїѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужъ онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противъ отца, недостойно уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ее не любите — прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня расположеніемъ... но что жъ дѣлать, вы за дѣли меня за живое, я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ — но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для те-